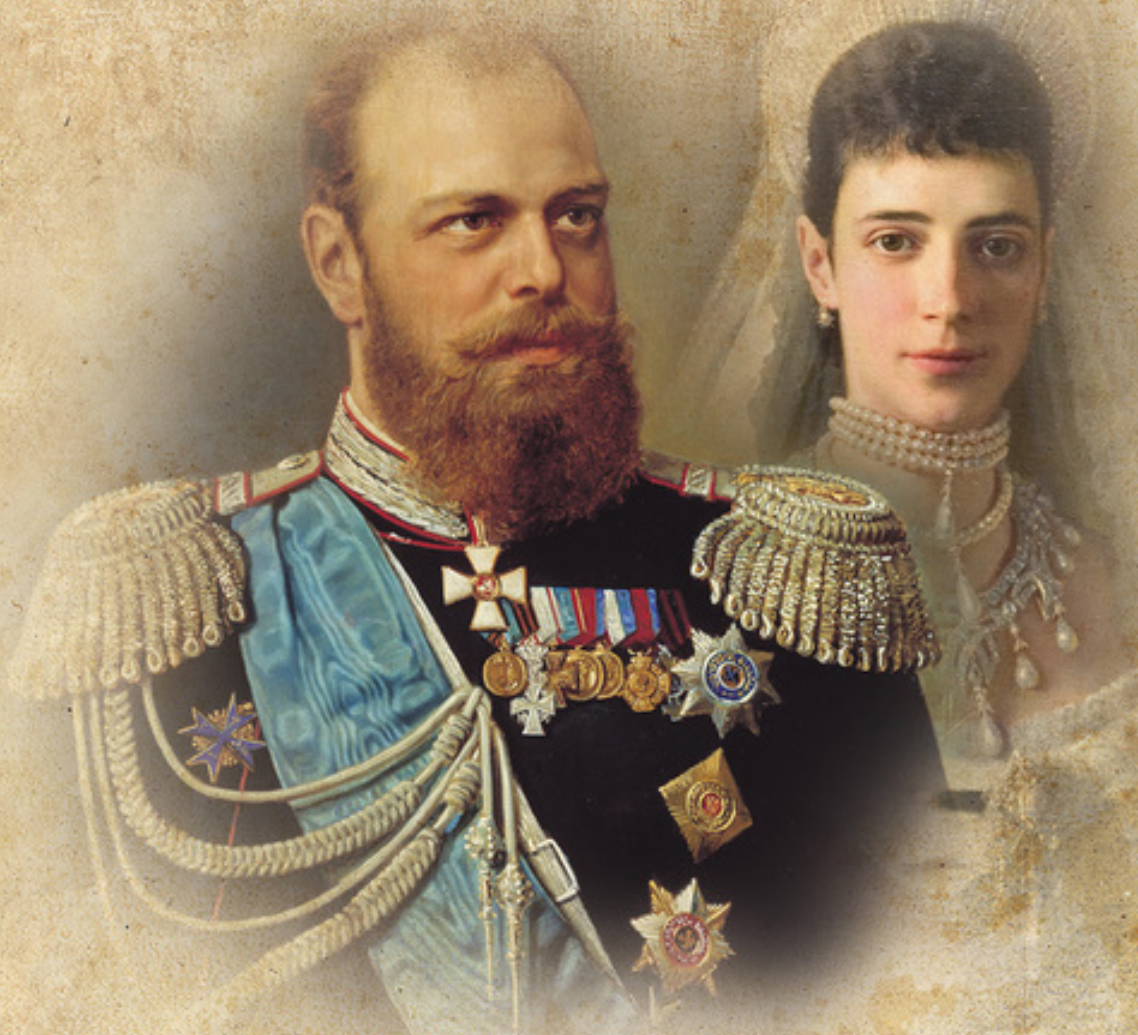


ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ
АЛЕКСАНДРА III



Чаровница

Елена Арсеньева

Любовь и долг Александра III

«Автор»

2012

Арсеньева Е. А.

Любовь и долг Александра III / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2012 — (Чаровница)

ISBN 978-5-699-58564-9

Александр – второй претендент на русский престол. Быть императором он не хочет, тем более старший брат Николай скоро займет это место. Поэтому Александр, ни о чем не думая, проводит все свои дни в гуляниях, играх и встречах с фрейлиной императрицы Мари Мещерской. Брат Николай тем временем отправляется в Данию знакомиться со своей будущей женой, датской принцессой Марией. Но судьба распоряжается по-своему: Николай умирает, успев на смертном одре соединить руки Александра и Марии. И теперь перед Александром стоит непростой выбор – взойти на ненавистный ему престол, женившись на нелюбимой женщине, либо уклониться от долга, сбежав с Мещерской, и тем самым опозорить честь русского престола.

ISBN 978-5-699-58564-9

© Арсеньева Е. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Любовь и долг Александра III

Жизнь сама по себе является самой прекрасной сказкой.
Ганс Кристиан Андерсен

– Я буду Элизой из «Двенадцати лебедей», – сказала Аликс. – Она стала королевой! Она самая красивая!

Никто не возражал, потому что все знали: Аликс – самая красивая из трех дочерей короля Кристиана Датского. Значит, ей и быть Элизой.

– А я буду танцовщицей, – заявила Тира. – Из «Стойкого оловянного солдатика».

– Какая скука! – фыркнула Аликс. – Всю сказку она простояла на полке.

– Зато она самая храбрая, – возразила Тира. – Она не побоялась прыгнуть в огонь к своему солдатику.

– Да ее просто ветром сдуло, – снисходительно заметила Аликс, но, увидев, что у младшей сестры набежали на глаза слезы, испугалась: – Хорошо-хорошо, будь танцовщицей, если хочешь. А Минни? Кем будет Минни?

Дагмар, средняя сестра, которую домашние звали Минни, по ее первому имени – Мария, пожала плечами:

– Не знаю. Я не желаю быть кем-то.

– Хочешь обидеть господина Андерсена? – нахмурилась Аликс. – Неужели тебе не нравятся его сказки?

– Ее высочество будет принцессой на горошине, – поспешно произнес Ганс Кристиан Андерсен, который был частым гостем в Фридериксборге, дворце датского короля.

В детстве он умудрялся перебираться через ограду дворцового парка и играл с принцем Фридрихом, ставшим впоследствии королем Дании. И даже был допущен к его гробу. Фридрих не оставил потомства, и королем объявили его родственника по материнской линии, Кристиана. Он тоже покровительственно относился к странному, очень высокому и худому человеку с пышными волосами и голубыми глазами и постоянно приглашал его во дворец. Принцессы обожали Андерсена и его сказки. Впрочем, его боготворила вся Дания, и вся Дания дивилась, что он презирает лучшее, что создал, – очаровательные сказки, безуспешно мечтая прославиться как драматург. Его пьесы были смешны своей беспомощностью! Вообще над Андерсеном часто смеялись, ведь он уделял внешности очень мало внимания и носил поношенную одежду. Однажды на улице его остановил какой-то щеголь и с издевкой спросил:

– Скажите, эта жалкая штука у вас на голове называется шляпой?

– А эта жалкая штука под вашей модной шляпой называется головой? – парировал Андерсен.

Он никогда не давал себя труда приодеться, являясь во дворец, однако там это не имело никакого значения. И когда Андерсен бывал во Фридериксборге, то начинал верить, будто его сказки действительно хороши. Сестры знали их наизусть. Все.

– Принцессой на горошине! – испуганно воскликнула Минни. – Но я ненавижу перины! На них так жарко спать!

– Минни будет русалочкой, – не без ехидства сказала Аликс.

Она немного завидовала сестре, которая плавала лучше всех в семье, даже лучше братьев. Когда королевскую семью в теплые, солнечные летние дни изредка вывозили на берег, в купальню, Минни переодевалась быстрее всех и, подбирая подол сорочки, неслась к воде. Охрана едва успевала отвернуться, чтобы не зреть принцессу в неглиже. Вслед за Минни несли ее любимый пес Барклай, виляя хвостом и изредка взлаивая от переполнявшего его восторга. Минни влетала во всегда студеные волны Северного моря так стремительно, словно это были

теплые воды Средиземноморья где-нибудь близ Ниццы или в Италии, бежала по мелководью, смешно поднимая колени, а потом ныряла и надолго исчезала под волнами, на которых теперь качались только чепчик и купальные туфли. Пес высоко поднимал морду над водой и завывал, описывая круги вокруг того места, где исчезла его обожаемая хозяйка. И вдруг темная, облепленная мокрыми волосами головка появлялась меж волн – с таким счастливо-отрешенным выражением лица, словно она побывала в неведомом, прекрасном королевстве. Может, она видела тот мир, где живут русалки? Но почему не хотела быть русалочкой, прелестным существом из чудесной сказки?

– Я не хочу быть русалочкой, потому что она потеряла своего возлюбленного, – ответила Минни. – Я лучше буду Гердой. Ведь она нашла Кая в конце концов.

– Да, – кивнула Аликс, – но победить Снежную Королеву было нелегко, ведь она сильная, как смерть! Наверное, Кай стал совсем другим человеком, когда вернулся к своим розам...

– О, это правда, – пробормотал Андерсен, дивясь ее мудрости и вместе с тем наивности.

Дети – а принцессы были еще детьми! – не способны понимать сложные аллегории. Им кажется, будто Кай и Герда вернулись домой, а они обрели блаженство в райском саду, победив Смерть любовью...

На глаза сказочника навернулись слезы. Это была всего лишь незамысловатая игра, но он почему-то подумал, что сейчас три принцессы предсказали свою судьбу.

Время покажет, что он не ошибся. Аликс станет женой короля, как Элиза. Тира спорхнет с трона к стойкому оловянному солдатику, хотя и не сгорит вместе с ним, а только душу обожжет. Минни... Жених Минни покинет ее ради смерти, но она сумеет вернуть его.

Однако это будет уже совсем другой человек.

Девушка сидела на высоком берегу, свесив ноги к речной сизой волне, и заплетала косы. Солнце пронизывало волосы насквозь. Белая рубашка была спущена до пояса, и Никса видел тонкую цепочку позвонков, тянувшуюся вдоль нежной спины.

«Кто это? – смятенно подумал он. – Неужели русалка?»

Он повернул голову и огляделся. Здесь, в лесу, куда он неожиданно забрел, все было возможно, особенно когда так сладко пахло цветами и травой, разогретыми солнцем. Раздался шорох. Никса быстро обернулся, боясь, что девушка исчезла, и замер. Она не исчезла, а поднялась на ноги и теперь смотрела на него, торопливо натягивая рубашку на плечи. Недоплетенная коса лежала на правом плече, а распущенные волосы окружали ее голову половинкой светящегося ореола. Никса смотрел на нее и думал, что не видел ничего красивее в жизни. Ничего и никого. Даже среди фрейлин матушки не было ни одной, подобной ей. Может, такой красоты у людей не бывает? Вероятно, она и впрямь русалка, лесная жительница?

Однажды ему и брату Саше (все домашние называли его Макой, но Никса терпеть не мог этого глупого прозвища, которое годилось для какого-нибудь увальня, а не для честного и прямого Саши) пришлось полчаса просидеть в заброшенном лесном шалаше, спасаясь от дождя. С ними был стремениной из царскосельской конюшни Савелий, он-то и рассказал, что русалки живут не в реках и морях, как раньше думали братья, а именно в лесах. В реках обитают водяницы, в морях – фараонки. А русалки качаются на березовых ветвях и сводят с ума неосторожных парней, которые не успели сотворить крестное знамение.

Да ведь эта девушка стоит под березой! Рука Никсы начала подниматься, и пальцы уже сложились в троеперстную щепоть, как незнакомка вдруг заговорила.

– Ты правда царевич? – спросила она самым обычным, человеческим голосом. А Никса думал, что русалки поют, словно сирены, которые заманивали Одиссея на свой роковой остров.

– А ты правда русалка? – прошептал он.

Девушка усмехнулась. Он видел, как уголки ее губ сначала чуть вытянулись, а потом приподнялись лукаво, и на щеках засияли ямочки. У Никсы перехватило дыхание.

– Конечно, русалка, – сказала она, глядя исподлобья. – А как ты догадался? Встречал нас раньше?

– Такой, как ты, я никогда не встречал.

Она улыбнулась. Никсе почудилось, будто золотые нити ее волос взмыли в воздух и крепко обвили его.

– А я никогда прежде не видывала царевичей, – произнесла девушка. – Думала, они все в злато-серебро одеты, корона алмазная на голове, а ты вчера идешь – в мундирчике, при шпажонке, шляпа под мышкой, волосы растрепались – такой, как все вокруг. Небось там и попышнее разодетые были, вокруг тебя! Я даже удивилась, что царевич – ты. Самый неприметный из всех. Да и сегодня как просто одет... И не спишь до полудня... Баре да господа горазды спать! Только простой народ с солнышком встает.

– А я нарочно. Утром проснулся ни свет ни заря, решил погулять, пока все спят. Думал, вокруг дома парк да и парк, а это настоящий лес! Лес, в лесу русалки... Но скажи, где ж ты меня вчера видеть могла?

– Да где ж, на улице и видела, – пояснила она, удивляясь его непонятливости. – Неужто забыл, как тебе девицы подносили цветы?

Действительно, при въезде наследника престола, цесаревича Николая Александровича, в Кострому встречу ему устроили и торжественную, и трогательную. Еще по пути он видел, что все избы в деревнях и дома в городе украшены зеленью и кумачом. Близ дороги стояли столы, накрытые белыми скатертями, на столах – круглый хлеб с солонкой, перед хлебом – икона. У каждой избы или дома низко кланялись ее жители. Крестьянские девушки бросали полевые цветы в экипаж царевича. Дети бежали следом и кричали «ура». А у ворот дома на берегу Волги, где должен был разместиться Николай, собрались самые красивые девушки из числа дворовых, освобожденных по указу от 19 февраля 1861 года. Они поднесли роскошные букеты с благодарственным адресом – как сыну Царя-освободителя.

Никса знал, что его самого приветствовать и благодарить пока не за что – крестьяне и дворовые благословляли отца, императора Александра Николаевича, – а все же в девичьих глазах он читал восхищение и им самим. То и дело до него доносились восторженные восклицания:

– Царевич красавец писаный! Сказочный красавец! Взор не отвести! – и это простодушное и искреннее восхищение тешило его мужское самолюбие.

Лукаво-кокетливые взоры придворных дам всегда казались ему лживыми и заискивающими. Он гнал от себя недобрые мысли, желая видеть в каждом человеке откровенную приязнь, однако понимал: так быть не может, в нем любят прежде всего наследника престола. Но во время путешествия по России это его не удручало: любовь окружала его со всех сторон, и он сиял улыбками, ловя нежные девичьи взоры...

Неужели и она была там?!

– Как же ты в число тех девиц попала? – весело спросил Никса. – Разве вам, русалкам, дозволено из лесу выходить?

– Да что ж делать, коли до смерти хочется? – усмехнулась девушка, и он только сейчас разглядел, что глаза у нее зеленые, словно лист молодой.

Может, и правда русалка?

Сейчас Никсе все казалось возможным. В его взглядах на жизнь и мир многое переменялось во время этого путешествия. Никогда еще он так много не видел русских людей, никогда так много не говорил по-русски, не слышал так много безыскусной и вместе с тем необычайно яркой русской речи, и наслаждался ею, и очаровывался, и чувствовал, что становится другим человеком.

«Как прав Саша!» – с благодарностью подумал Никса о младшем брате, который всегда старался говорить только по-русски, хоть порой и вызывал насмешки родителей и придворных этой своей «простоватостью». Как прав Саша, как прав... Никса и сам сейчас становился таким «простоватым» и чувствовал от этого огромное удовольствие.

– А платье где взяла? Там все девицы разряженные были – залобуешься!

– Да заманила одну девку в лес, навела на нее чары, она уснула, а я в ее платье нарядилась и пошла на царевича смотреть.

Никса расхохотался:

– А ты за словом в карман не лезешь!

– Конечно, – кивнула она, – ведь у меня карманов нет. – И провела рукой по стройному бедру.

Никса смотрел, как скользят пальцы по белой ткани...

– Выдумала ты все, – еле смог выговорить он. – Ты просто девушка, никакая не русалка. Почему здесь бродишь, не знаю. Наверное, искупаться решила.

И подумал, что, приди он чуть позже, вдруг бы да застал ее в воде... в мокрой рубашке, облепившей тело...

Зеленые глаза блеснули.

– Просто девушка? – обиженно буркнула она. – Что ж тебе надо, чтобы поверить? А, знаю! У нас, у нечисти, кровь ледяная. Возьми меня за руку – сразу поверишь.

И она протянула Никсу тонкую руку.

Очертания ее казались ему совершенными, словно это была рука античной статуи. Солнечный луч медленно двигался по белоснежной коже.

– Боишься? – с коварной улыбкой усмехнулась девушка, и Никса вдруг поверил, что она действительно русалка, и с отчаянной готовностью схватил ее за пальцы!

Да так и ахнул – они были живые, теплые!

– Врешь ты все, – пробормотал он, задышав от того, как ее ноготки поцарапывали его ладонь.

– Это солнышко руку нагрело, – лукаво промолвила девушка. – А сама я холодная. – И свободной рукой она медленно провела по стройной шее, чуть сдвинула рубашку с ослепительного плеча...

Зеленые глаза смеялись. И губы смеялись, когда Никса вдруг сгреб ее в охапку и начал неистово целовать.

Наконец ее губы покорились его губам, глаза медленно закрылись, потом у обоих подкосились ноги, и они повалились в траву.

Да неужели все отцы вынуждены проходить через эти глупые муки? Неужели то же было и с его отцом?

Александр Николаевич представил его идущим по набережной Невы или меряющим шагами дорожки Царскосельского или Гатчинского парков с тягостной думой на челе... Окружающие думают, будто он поглощен важнейшими государственными задачами, например, постройкой железной дороги из Петербурга в Москву, в инженерном проекте которой сам принимал деятельное участие, а он... мается думой о том, что сыновья подросли, становятся мужчинами, вошли в ту пору, когда у мужчины должна появиться женщина, но они ведь не абы чьи сыновья, а государевы, значит, и женщины у них должны быть необыкновенные, своего предназначения достойные...

Александр Николаевич до сих пор не понимал: сам он обратил в те далекие времена внимание на Мари Трубецкую, свою первую любовницу и первую женщину, или ее ловко под-

ставил, вернее, подложил ему отец¹. Ну что же, Мари сыграла немалую роль в его жизни, и даже не только в его, но одно он усвоил с тех пор прочно: никаких фрейлин в качестве первых интимных наставниц! Они слишком быстро проникаются исключительностью своего положения и начинают им пользоваться. Более того, обучаемый может влюбиться в наставницу. Это до добра не доводит. Государю приходится думать, как повыгоднее выдать фрейлину замуж, чтобы спровадить с глаз долой: и с глаз наследника, и его будущей жены. Но все равно фрейлина помнит о своей исключительной роли и всю жизнь пытается этим пользоваться. Да и сам великий князь чувствует себя ей неприятно обязанным, что действует на нервы.

Словом, у его сыновей, решил Александр Николаевич, не будет никаких услужливых фрейлин! Во всяком случае, в роли первых учительниц. Но... кого сделать ими?

Вот же кошмар, совершенно не с кем посоветоваться. Верного, преданного, надежного с самого детства друга Александра Владимировича Адлерберга сейчас нет в Петербурге. Паткуль, некогда безрассудный друг юности, теперь стал слишком осторожен.

Поговорить с женой?

Александр Николаевич невесело усмехнулся. Да Мари в обморок упадет! Хоть она и родила восьмерых детей, но в душе осталась той же голубоглазой пятнадцатилетней девочкой, которую он увидел много лет назад в Гессене. Она оказалась младшей дочерью великого герцога Людвига II Гессенского. Пышное имя – Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария – было для нее слишком помпезно и старомодно, словно прабабушкино платье. С первой минуты встречи она стала для русского великого князя просто Мари. Он влюбился с первого взгляда и настоял на том, чтобы жениться на ней, хотя ее происхождение считалось сомнительным. Многие не верили, что герцог Людвиг ее отец... Но Александр не желал ничего слышать и в конце концов женился на Мари. Ее стыдливость на супружеском ложе умиляла его, знатока и любителя женщин, иногда раздражала, но он всегда с уважением относился к этой девочке-жене, даже когда прошла любовь и осталась лишь нежная снисходительность. Можно вообразить, что станет с Мари, если муж вдруг заявит, что сыновья вошли в самый возраст и им необходимы бабы, чтобы перебродивший сок не дурманил головы!

Нет, с женой лучше не говорить. А с кем? Поговорить хотелось именно с женщиной... Да с кем же?!

А если с Китти? И Александр Николаевич мысленно похвалил себя за эту догадку. В самом деле, с кем, как не с Китти, говорить о жизненно важном для детей?

Собственно, ее звали мисс Кэтрин Страттон. Она была англичанка – рыжая, худощавая, с веснушками на остром носике, увенчанном пенсне. Эти блестящие всевидящие стеклышки производили на людей поразительное впечатление. Сразу становилось ясно, что эта особа знает свое дело. Китти была бонна, нянька мальчиков. На ее руках выросли Никса, Саша и Володя, прежде чем перейти на воспитание дядек², и даже сейчас Китти оставалась для них самым близким и дорогим человеком, ближе матери. Теперь английская бонна взращивала Сережу и Павла.

Решено.

Александр Николаевич знал, где сейчас можно найти Китти. Пока младшие дети на уроках, у нее свободное время, которое она, конечно, проводит в своей комнате. Пишет письма многочисленным британским родичам в графство Уилтшир. Этих писем – коротеньких и очень четких – она сочиняла за неделю столько, что Адлерберг однажды предположил, что мисс Страттон – шпионка при русском дворе и строчит зашифрованные донесения своему министру³.

¹ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Последний дар любви»; издательство «ЭКСМО».

² Дядька – слуга-воспитатель в дворянской семье, которому передают мальчика от мамок-нянек. Иногда – денщик.

³ В описываемое время так называли резидентов иностранной разведки.

– А что? – восклицал он, когда Александр Николаевич начинал хохотать. – Вспомни хотя бы Дарью Христофоровну!⁴

Да уж, Дарья Христофоровна Ливен была опытной шпионкой, и работала она при европейских дворах на Россию, но вспоминать Александру Николаевичу о ней не хотелось. Произошел между ними... один опасный эпизод, который напрочь отбил у него уважение и почтение к госпоже наставнице, каковой некоторое время была у него, в ту пору шестнадцатилетнего наследника-цесаревича, княгиня Дарья Христофоровна.

В общем, видеть в Китти Страттон шпионку император не желал, а потому сейчас направился к ней с надеждой на помощь.

В самом деле – она сидела в своей крошечной гостиной за письменным столиком и писала. При появлении императора Китти поспешно спрятала листок, и ее веснушчатое маленькое личико залилось бурным румянцем.

«А может, и впрямь шпионка?» – усмехнулся император.

На столике стояла большая чашка с горячим шоколадом. Если все прочие англичане были помешаны на своем фэйф-о-клоке, то Китти обожала шоколад.

– Что это вы от меня так быстренько спрятали? – произнес Александр Николаевич, принимая равнодушный вид, будто спрашивает лишь для начала разговора.

Ну, это в самом деле было так, ведь он не представлял, как начать беседу, и идея просить в таком... потайном деле помощи у старой девы вдруг показалась нелепостью.

– Прошу прощения, милорд, – промолвила англичанка, которая всегда называла императора только так. – Я писала сестре... ее младший сын... он... – И она еще пуще покраснела, да так, что ее остренький носик взопрел.

– Ну? – подначил император, развеселившись. – Он что? Соблазнил горничную? Или она его?

Все в императорской семье отлично владели и английским, и немецким, и французским. Правда, английский Саша недолюбливал, хотя обожал Китти. Но Александр Николаевич предпочитал английский другим языкам и знал его в совершенстве.

– Откуда вы знаете, милорд? – воскликнула Китти. – Может, у вас есть шпионы в Англии?

– Конечно, – расхохотался император, – но в Уилтшире их точно нет, так что успокойтесь, Китти. Я просто догадался, потому что сам как раз обуреваем подобными заботами. Другое дело, что я, наоборот, ищу горничных, которых могли бы соблазнить мои сыновья. Или они – их. В смысле горничные – сыновей.

– Да, мне тоже кажется, что время пришло.

Император таращился на нее во все глаза. Такое ощущение, что она говорит о самых обыденных вещах. Например, о том, что мальчикам нужны новые мундиры.

– Вы могли для приличия хотя бы ахнуть, Китти, – усмехнулся Александр Николаевич. – Или всплеснуть руками. Или спрятать лицо в ладонях. И вообще, что вы там всегда проделываете, смутившись?

– Мы? – удивилась Китти.

– Женщины, – уточнил Александр Николаевич, и оба поняли, что он говорит прежде всего о жене.

Господи, ну до чего же она была стыдлива, бедняжка Мари! В первое время после свадьбы вообще боялась выходить из спальни, уверенная, что все знают, что именно происходило ночью между ней и великим князем, какой ужас...

Она до сих пор относилась к этому как к ужасу. А Александр Николаевич из всех сил делал вид, будто подобное отношение к плотской любви его умиляет и трогает. Всю жизнь старался, постепенно привык и даже поверил, что оно так. Ах, бедняжка Мари...

⁴ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Последний дар любви»; издательство «ЭКСМО».

А вот Китти другая. Ее английская практичность покрепче немецкой оказалась!

– Вы можете считать, милорд, что я и ахнула, и спрятала лицо в ладонях, и проделала все необходимое, – вежливо произнесла Китти. – Но я уже давно заметила некое беспокойство в поведении мальчиков. Особенно у Никсы... он вернулся из поездки по России таким странным! Кроме того, Хренов рассказал мне о некоторых ночных явлениях и у Никсы, и у Маки.

Тимофей Хренов, унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка, был назначен военным воспитателем трех старших сыновей государя, но не только учил их фронту, маршировке и ружейным приемам, а являлся, по сути, их новой нянькой, только мужского пола. Понятно, что он тоже озабочен.

Да, тяжело быть царским сыном, это император по себе знал. Все на виду. Все! Даже самое интимное и сокровенное... И так всегда будет, деваться некуда. А Китти – ну прямо главный советник двора! Все к ней идут, и дядька царевичей, и сам царь!

– И что вы об этом думаете, Китти? – спросил он.

– Да то же, что и вы, государь, – спокойно ответила она, словно обсуждала погоду. И с той же полуулыбкой, с какой бы произнесла: «It rains cats and dogs», «Дождь кошек и собак», зная, что эта фраза весьма веселит русских, Китти пояснила: – Нужна некая милая и покладистая дама, даже две. Хотя и одной может хватить, главное, чтобы мальчики не знали, что она у них одна на двоих. Но горничная – это едва ли подходящий вариант, милорд. Они болтливы и лживы, как правило. К тому же девчонки взбалмошны и глупы. Сами ничего не понимают. Нам нужна молодка, – это слово она произнесла по-русски, но с английским смягченным «д», и император чуть не прыснул, несмотря на то что был ошеломлен деловитостью бонны, – с некоторым прошлым, с опытом, очень чистая... скажем, молочница вполне подойдет. Я как раз вчера видела одну. С вашего позволения могу показать ее вам. Ей около тридцати, но... поверьте, это то, что нужно. Мягкая и уютная. И очень привлекательная, несмотря на толщину и некую простоватость. Но ведь нам не нужна какая-нибудь там парижанка, – в голосе прозвучало вековое презрение британцев к французам, протестантов к католикам, благочестивых девиц к кокоткам, – нам нужна милая женщина, которая отнесется к... мальчикам деликатно и заботливо, а главное, у нее хватит ума и осторожности не... не...

Александр Николаевич понял, что слово «забеременеть» оказалось тем камнем, о который споткнулся великолепный практический снобизм Китти, и кивнул, облегчая ей задачу:

– Конечно. Вы совершенно правы, Китти. Когда вы покажете мне эту молодку?

– Да хоть сейчас, милорд! – воскликнула Китти и встала, даже не взглянув на остывший шоколад.

– Ну вот, – грустно сказала Аликс, – больше мы так стоять никогда не будем. – И зажмурилась, чтобы сдержать слезы.

Минни тоже была готова заплакать, но ей зажмуривание не помогло бы. Обычно она изо всех сил поджимала губы, это каким-то образом действовало на слезотечение. Это было сделано и сейчас, но глаза по-прежнему ужасно щипало.

Отерев слезинку, Минни снова поглядела в зеркало, перед которым они стояли с сестрой, приобняв друг дружку за талию. Обе были в одинаковых парижских платьях, которые сшил для них Чарлз Уорт – англичанин, добившийся ошеломляющего успеха в Париже. Его кринолины из гибких стальных колец, соединенных по вертикали подвижными лентами, были чудом удобства и легкости. Они избавляли дам от необходимости носить множество нижних юбок. Одной-двух вполне хватало. У Уорта заказывал туалеты весь модный Париж. Еще бы! Модель создавалась как произведение высокого искусства. И на каждом платье с изнанки была пришита нарядная ленточка с его вытканым именем. Если на вашем платье ленточка с именем Чарлза Уорта, значит, вы принадлежите к самому высшему обществу, ведь у Уорта шьют и для принцесс! Старшие дочери Кристиана Датского тоже являлись его заказчицами. Они обо-

жали появляться в одинаковых нарядах. И вот сейчас в зеркале отражались две темноволосые, гладко причесанные фигурки в изумрудно-зеленых амазонках, отделанных шоколадно-коричневыми ленточками. Амазонки только что прибыли из Парижа, сестры решили их «обкатать» и пошли было на конюшню, да вот посмотрелись в зеркало...

И вспомнили, что завтра Аликс уезжает в Лондон. К своему жениху, наследному принцу Альберту-Эдуарду, сыну королевы Виктории. Навсегда!

Минни вздохнула. Лица у фигурок в зеркале были престранные. У одной зажмурены глаза, у другой собраны в комочек губки. И по щекам медленно текут слезы...

Минни смотрела-смотрела и вдруг хихикнула. Аликс приоткрыла один глаз и тоже уставилась в зеркало, улыбнувшись.

– Ну вот, – вздохнула Аликс. – Мы даже плакать нормально не умеем. Правильно Уилли говорит, что мы какие-то уродки.

И они захохотали во весь голос, глядя на свои очаровательные личики.

Легкого стука в дверь они не услышали, а потому очень удивились, обнаружив, что за ними наблюдает невысокий молодой человек в элегантном пиджаке и брюках. По последней моде они были сшиты из одной ткани – темно-серой в мелкую клетку. Таким же был жилет, оттеняющий белоснежную рубашку. Шляпа «борсалино», которую он держал под мышкой, была светло-серого фетра. Сразу видно: молодой человек – щеголь, но у него хороший вкус.

– Ах, Уилли! – воскликнула Аликс. – Вечно вы подкрадываетесь!

– Прошу прощения, ваши высочества, я стучал, но вы так громко смеялись, что мне захотелось узнать, что вас так развеселило, – произнес Уильям Колдринг, сын английского посла в Дании.

Он был другом принца Фредерика, наследника престола, а потому появлялся во дворце запросто, когда ему вздумается. Уильяму очень нравилось, что порядки при датском дворе необычайно просты. Например, все резиденции в определенные дни недели открывались для посетителей, а друзья королевской семьи могли появляться без доклада. Со слугами члены королевской семьи были запросто, и Уильяму иногда казалось, что он в доме какого-нибудь добродушного английского сквайра в графстве Суррей, или в Дербишире, или в Дорсете. В Лондоне подобная простота нравов была бы невозможна, но ведь Британия – владычица половины мира, а Дания – крошечное и не слишком-то значительное государство. Зато здесь очаровательные принцессы. В самом деле, очаровательные! Не зря же старшую, Александру, выбрал наследный принц Альберт-Эдуард себе в жены. К знакомству жениха и невесты имел самое прямое отношение отец Уильяма, лорд Колдринг, что укрепило положение самого Уильяма при дворе. Аликс вообще смотрела на него почти как на брата. А он, дружелюбно улыбаясь прелестным девицам, думал, что бы он делал, если бы принц Альберт-Эдуард заинтересовался не старшей, а средней дочерью короля Кристиана.

Что? Как и подобает верноподданному, скрыл бы чувства, которые питает к прелестной принцессе. Да он и сейчас их скрывает: не дай бог, кто-нибудь догадается, как нравится ему Минни. Дружба с Фредериком – одно. Любовь к его сестре – совсем другое... Какое счастье, что об этом никто не подозревает!

– Загляни вы двумя минутами раньше, вы бы увидели, как мы плачем, – сообщила Аликс.

– Какой кошмар! – ужаснулся Уильям. – Хорошо, что я этого не сделал. Я не выношу женских слез. Наверное, я бы сам расплакался вместе с вами.

– Ах, какая это была бы трогательная сцена! – воскликнула Аликс. – Вы с Минни вытирали бы друг другу слезки, а я, как почтенная, почти замужняя дама, любовалась бы вами.

Она расхохоталась, и Уильям расхохотался вместе с ней, и Минни тоже смеялась... однако Уильям думал, что, получается, тайну своего сердца он хранит не так уж тщательно, как ему кажется. Или это обычные шуточки Аликс, которая иногда бывает ехидной?

Да, принц Альберт-Эдуард получит в жены остренькую штучку, игрушку с занозами, как говорит лорд Колдринг. А кому достанется в жены Минни? Не сыну посла, это уж точно!

А потому... какой смысл мечтать о несбыточном? Никакого. Глупо.

Вдруг он заметил, что Минни не смеется, а смотрит на сестру исподлобья, с обидой.

– Какую ерунду ты говоришь! – сердито крикнула она и, подхватив юбку, кинулась вон из комнаты.

Уильям хотел бежать следом, но застыдился. Аликс очень наблюдательна. Она все знает. Догадалась о его чувствах к Минни. И что теперь будет? Она сообщит брату? А как на это посмотрит Фредерик, на такое неразумное увлечение? Удастся ли его убедить, что это веселый, дружеский флирт, легкомысленный, но неопасный? Фредерик не поверит, нажалуется королю, тот может вызвать отца... Вообще такие неосторожные увлечения чреваты международными конфликтами! И это как раз накануне бракосочетания британского принца и датской принцессы!

Уильяму стало жарко от испуга. Карьера отца, его собственная карьера... Ужас! И Аликс, как назло, не сводит с него пристальных, всевидящих, всепонимающих глаз...

За открытым окном раздался топот копыт. Аликс посмотрела в окно и всплеснула руками:

– Минни! Вот глупая девчонка! Поехала одна, даже без грума! Ох, как будет недоволен отец! Ее надо остановить! Слышите, Уильям?

– Да, – растерянно пробормотал он, – конечно.

– А вот и грум! – оживленно воскликнула Аликс и высунулась в окно. – Постой, Хенрих! Придержи коня!

«О боже! – подумал Уильям. – Слышал бы это принц Альберт-Эдуард! Принцесса запахибрата разговаривает с грумом!»

– Ну? – резко обернулась к нему Аликс. – Что вы стоите, Уильям? Быстро на коня – и догоняйте Минни! Только вы можете ее успокоить, разве не понимаете? Садитесь на лошадь грума и поезжайте!

Чего она от него хочет? Минни поскакала в парк... Аликс хочет, чтобы Уильям догнал ее и остался наедине с ней?! И что потом? Не говоря уже о том, что его костюм совершенно не приспособлен для верховой езды, он не может допустить такой... такой вольности по отношению к... А что скажет Фредерик? И как это отразится на карьере отца?

Глаза Аликс сузились, и вдруг Уильям осознал, что попал, как говорят простолюдины, в вилы. Потому что эта взбалмошная принцесса вполне может пожаловаться брату, что его друг отказался вернуть ее сестру, когда та умчалась одна верхом.

А если она расскажет об этом своему жениху?

Уильям ринулся вниз, на ходу нахлобучивая шляпу. Грум уже спешил, конь играл... Аликс требовательно смотрела из окна.

«О боже!» – снова подумал Уильям, с трудом взбираясь в седло и понимая, что костюму пришел конец.

– Погибель, погибель! – Василий Тимофеевич тяжело уронил голову на стол. – Погибель наша!

– Тимофеич... – всхлипнула рядом баба. – Тимофеич, Бог милостив... обойдется...

– Ты! – Он медленно поднял голову и впери в жену указательный палец. – Ты куда смотрела, сонная тетеря? Все б спала да зевала! А девку обгуляли! Что мы теперь барышне Анне Генриховне скажем? Что скажем барыне? А барину? Отпустили, называется, с дяденькой да тетенькой повидаться! Ох, да лучше бы не отпускали!

– Тимофеич, так ведь ты сам барышню просил, сам в ножки падал, – робко возразила жена и еле успела отпрянуть от мужнина кулака.

Отпрянула, юркнула в бабий кут, за занавеску, и ну там подвывать да всхлипывать. А с чего? Кулаком не попало, да и ударить, сказать по правде, Василий Тимофеевич хотел совсем даже не безответную Варварушку свою. Не так уж он ее виноватил. У нее ж не семь глаз. Это Фроське следовало бы залепить прямо в ее бесстыжую рожу. И за виски отодрать. А потом еще плетью отхлестать, чтобы встать не могла! И ногами под бока, и ногами!

Чем отблагодарила за все добро, что дяденька ей сделал?! Погубила, истинно погубила!

Он вспомнил, как десять лет назад сгинули брат с женой: зимой возвращались на санях с ярмарки, попали в пургу, заблудились, замерзли – оставив троих детей. У Василия Тимофеевича своих росло четверо – но идти сиротам было некуда, кроме как к дядюшке. Пришлось принять. Еще ладно, что у брата припас зимний оставался солидный. Прожили зиму с весной, а лето неурожайным выдалось. Только начали потуже пояса затягивать и почаще лбами бить перед иконами, как привалило счастье.

Деревенька, где жили Павловы, принадлежала сестре костромского губернатора, бывшей замужем за немецким бароном фон Флутчем. У баронессы росла единственная дочь, которую она привезла показать любимому брату. Баронесса пожелала объехать окрестные деревни, самую ближнюю и чистенькую удостоила тем, что решила принять хлеб-соль. Хозяином дома, около которого остановилась ее карета, являлся Василий Тимофеевич Павлов.

Староста на негнущихся ногах шагнул вперед с хлебом-солью на белом полотенце. Баронесса вышла из кареты, следом лениво выбралась девочка – тощенькая, голубоглазая, лет семи, вся в кружевах да бантиках, белые волосы в завитках, словно шерсть у ярочки. Огляделась – да и замерла, уставившись на павловских детей, столпившихся у избы. На хлеб-соль даже не смотрела.

– Кланяйтесь в ножки барыне, – зашептал Василий Тимофеевич.

Жена стала толкать детвору, чтобы падала на колени... Все малые мигом повалились, только Фроська не хотела, пришлось крепко приложить, чтобы послушалась. Плюхнулась Фроська чуть не плашмя, слезы точит, глаза трет, всхлипывает...

Девочка, маленькая баронесса, смотрела-смотрела на нее – да взяла и встала на коленки с ней рядом! И тоже ну плакать-заливаться.

Барыня хочет на руки взять, а та отбивается и ревмя ревет. И все кричит по-своему, непонятному:

– Ich will diese Puppe!⁵

И на Фроську показывает. Мать к ней и так, и этак, и по-русски, и по-немецки: Аннушка, мол, Анхен, тише, тише, а девочка еще пуще кричит, в руки не дается, Фроську за собой тянет... Успокоилась, лишь когда баронесса велела Фроське сесть в карету. А та ничего – не дичилась, не плакала... Так и уехала, даже не оглянулась на тетеньку с дяденькой!

Управляющий объяснил, что значили странные слова барышни. Ну что ж, Фроська хоть и вредная нравом девчонка, а с лица и впрямь куколка: глазки зелененькие, ротик розовый, щечки румяные, волосы – чисто злато мягкое!

Василий Тимофеевич ждал, что завтра Фроську обратно привезут или пешком пригонят: наиграется барышня да и прогонит «куклу» прочь, ан нет – и назавтра не привезли, и напослезавтра, а спустя три дня приехал управляющий и сообщил, что маленькая баронесса так Фроську полюбила, что никому житья не давала, пока мать не пообещала, что увезет девчонку с собой в Неметчину. И ведь увезла! А кто запретит? И Павловы ее собственные, и братова семья ее собственная, и дети их, и Фроська, само собой.

Десять лет миновало. Свободу дали крестьянам. Только поди знай, что с этой свободой делать! Все при своих господах так и остались. И вот пришла весть, будто царский сын старший, цесаревич Николай Александрович, поехал по Руси-матушке, народ русский посмотреть

⁵ Я хочу эту куклу! (нем.)

и земли, поля да леса, окинуть своим хозяйским взором. Ждали его и в Костроме. А баронесса вздумала именно в эту пору снова навестить брата. И заявила с дочкой своей. А при дочке, при Анхен, приехала и Фроська.

Приехала – и сразу выпросилась к дядюшке с тетушкой в деревню. Гостинцев приволокла три узла: шали, материю на сарафаны, на рубахи, сласти заморские. Василию Тимофеевичу немецкую водку шнапс в глиняной бутылке привезла.

Павловы глазам не верили, на Фроську глядячи. Никогда такой красоты не видели. Неужели родная кровь? Племянница? Павловская порода? Сказочная королева, а не девка!

Оказалось, что живет она при молодой барышне Анне Генриховне не просто как горничная, а как подружка задушевная. Компаньонка. Барышня с ней компанию водит, значит. Госпожа баронесса ее тоже полюбила. Хорошо, словом, Фроське! Вот ведь что значит вовремя дитяти затрещину дать! А не заревела бы она тогда – прошло бы счастье мимо.

Сначала Фроська приказала, чтоб ее на немецкий лад звали Флора, как ее зовут господа, однако с русского языка эта чужеземщина не шла – стали кликать прежним именем. Фроське в деревне показалось так весело, что решила она прожить у своих несколько дней. А что? У Василия Тимофеевича не какая-нибудь там курная изба, а полное благолепие. И горница большая, и на печи чистота, и на полатах блох нет. С тех пор как Фроську увезли, на Павловых барские милости так и посыпались, а староста перед ними на задних лапках ходил. Обжились на загляденье!

Василий Тимофеевич сходил в город, благо путь недалний, три версты, пал барыне с барышней в ножки, слезно просил племянницу родненькую на побывку отпустить, обещал, что не даст пылинке на нее сесть и ветру дунуть.

Родственники не знали, куда Фроську посадить, чем угостить, но вскоре привыкли. Она одежды свои заморские скинула, в рубаху да сарафан нарядилась, лапотки обула, волосы в косу заплела... и будто не уезжала никуда. С сестрами и в поле, и в огород, и в лес по ягоду, и на посиделки, и на мостки белье мыть-катать... Потом барин прислал сказать, что Фроська должна быть в числе тех крестьянских девок, которые станут встречать царевича и благодарить за ту свободу, которую царь-батюшка дал народу. Выбирали для этого первых красавиц, а Фроська была красавица. Она собралась и ушла в город, на другой день вернулась и спать легла сразу. Взглянула Варвара на нее, на спящую, а у ней рубаха сзади в крови...

Вот и взвыл Василий Тимофеевич, вот и начал вопить дурным голосом...

Распочали девку! Обгуляли! Вот те и сдувал дяденька пылинки с племянницы! Что ж теперь будет-то? Как об этом барыне сказать?

А Фроська спала сладким сном и улыбалась.

– Ну, пускай только проснется! – грозно крикнул Василий Тимофеевич. – Я у нее кулаками выбью правду, где да с кем! Вместе с зубами выплюнет!

– Христос с тобой, – простонала жена, высунувшись из-за занавески. – Побьешь – и впрямь погибель настанет. А так... если смолчим... глядишь, и обойдется.

– Как смолчим? – дико оглянувшись на нее Василий Тимофеевич.

– Да так, – вкрадчиво шепнула жена. – Фроська нам ни слова про то, где да с кем наблюдила, ну и мы никому ни слова. Не видели, не слышали, знать не знаем, ведать не ведаем. Что нам ее девство? Не родная ведь, кус отрезанный. Она уже завтра к барышне возвращаться должна. Один денек потерпим, помолчим, а там – скатертью дорога!

Василий Тимофеевич растерянно моргнул, не в силах поверить, что слышит от жены такой разумный совет. А ведь баба дело говорит! Но он, конечно, не мог вот так, сразу, признать, что баба на сей раз умнее да хитрее оказалась.

– Несешь незнамо что, – недовольно буркнул он. – Шила в мешке не утаишь! А коли окажется она брюхатая?

– Так ведь кто узнает, где и когда надуло? – пожала плечами жена. – Мы со свечкой не стояли. А ты, Тимофеич, ей ни словечка, ни полсловечка. Как ни в чем не бывало! Шум – дурная слава. А мы потихонечку...

Василий Тимофеевич задумчиво кивнул. Фроську надо бы выпороть да выдрать, однако... Но это означает всю свою жизнь псу под хвост бросить. Пожар разгорится – не загазишь. А вот если сразу на искру наступить... А может, и впрямь обойдется? Господь милостив... Главное – молчать!

И Василий Тимофеевич крепко прижал палец к губам.

– Тебе нравится быть взрослым? – спросил Никса своим мягким, негромким голосом. Он всегда говорил только так. Папá смеялся: «Пищишь, как девчонка! Ты атаман всех казачьих войск, генерал – а сю-сю, ля-ля... Бери с Сашки пример. Вот у него голос так голос! Командир! За таким и солдаты, и народ в огонь и в воду! А за мямлей-девчонкой... нет!»

Саша не любил, когда его приводили в пример Никсе. Так быть не должно. Никса – старший брат. Он будет государем. Саша навсегда останется его самым верным подданным. Нехорошо, когда при подданном судят государя, при младшем брате – старшего. За это Саша обижался на папá. Вот мамá – она любит Никсу больше других, и это правильно. Как же его не любить? Он лучше всех. Самый добрый, самый первый Сашин друг. Толстяк, Сейчик, Утка (так дома называли Володю, Алексея и Машу) и маленькие – те не в счет. Они просто – братья и сестра. А Никса – друг. Конечно, Саша ни за что не решился бы перечить папá, но ему очень хотелось напомнить, как Никса однажды командовал солдатами, и те его отлично слушались, а ведь ему было всего шесть лет. Да-да, Саша это помнил, хоть ему тогда было только четыре. Он вообще многое помнил из своего раннего детства, и это всегда было связано с Никсой. Так вот, про тот случай... Папá и мамá куда-то уехали, в другую страну. Во время их отъездов дедушка, государь-император Николай Павлович, и бабушка, Александра Федоровна, уделяли внукам больше внимания, чем при родителях. Каждое утро Никса и Саша приходили здороваться с императором, он часто брал их на прогулки или кататься. Однажды Николай Павлович велел остановить свой шарабан, где сидел с внуками, около гауптвахты Большого Петергофского дворца и сказал Никсе:

– Ты от рождения шеф лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Твой полк стоит на карауле. Приказываю распустить караул!

Саша перепугался и схватил брата за руку: очень уж грозный вид был у дедушки! Как бы Никсе не онеметь с испугу! А тот ничего... разжал пальцы брата:

– Так точно, ваше величество! – И выбрался из шарабана.

Саша высунулся и увидел, как Никса стал во фрунт перед караулом и бойко скомандовал:

– Слушай! На пле-чо! К но-ге! В сош-ки!⁶

И солдаты выполнили его команды. Дедушка Никсу похвалил, но заметил, что командовать надо громче. А зачем? Даже когда Никса говорил тихо, его все равно слушались. Императору необязательно кричать. Его должны слушать, даже если он станет шептать!

Дед очень любил Никсу. Но Сашу он тоже любил, называл чудо-богатырем и подарил лошадку-качалку и саблю, почти настоящую. Ах, как любил Саша эти подарки! До сих пор видит себя во сне на качалке с игрушечной саблей в руках, хотя днем ездит верхом на настоящих лошадях и отрабатывает рубку настоящей саблей.

– Саша! – дернул Никса брата за рукав. – Ты что, спишь?

– Нет. Я думаю. Нравится ли мне быть взрослым? Не знаю. Никуда от этого не денешься, верно? Чем больше растешь, тем сильнее все вокруг меняется. Вот раньше нас Китти нянчила, потом Хренову передали, затем были Скрипицына, Зиновьев и Гогель, теперь у тебя Рихтер и Строганов, а у меня Перовский. Нас же не спрашивали, когда их меняли. Их нам давали,

⁶ Сошка, или подсошник, – упор для огнестрельного оружия.

потому что так положено. Мы растем – и все вокруг как бы растет. Слово «наставник» больше, чем слова «нянька» или «дядька». Вот нам и дают такие большие слова, а хотим мы или нет, не важно. Точно так же не спрашивали, когда тебя перевели в отдельные апартаменты. Помнишь, как я плакал, когда ты в шестнадцать лет из детской переехал? Думал, ты стал совершеннолетним, взрослым, а я навсегда останусь мальчишкой, ты на меня и не взглянешь теперь. Сейчас и у меня свои комнаты, как у всех взрослых. Конечно, это хорошо, что как у взрослых, но наша детская мне больше нравилась. Там теплее, солнца много, просторно. А тут как-то... узко все, сквонзьяк. Но никому не скажешь. Мама сердиться станет, папа на смех поднимет, как Толстяка поднимает, когда он ныть начинает и просить, чтоб помягче да повкуснее! И точно так же нельзя сказать, что мне Китти и Хренов больше нравятся, чем Перовский. Тут уж точно все со смеху помрут. Так и с этим взрослением. Невозможно сказать: я хочу остаться маленьким, мне таким быть больше нравилось. То есть сказать можно, да что проку? Все равно назад не повернуть. Приходится вздохнуть и смириться. Взрослеть.

– Да ты философ, брат, – ласково улыбнулся Никса.

– Ладно, философ так философ, – кивнул Саша, обводя пальцем царапины на крышке старого стола.

Братья сидели в бывшей классной комнате, куда часто приходили поговорить. Почему-то именно за этими исцарапанными столами, на жестких стульях, в этих стенах, которые они в детстве терпеть не могли, теперь велись самые душевные беседы.

– Но ты не думай, я не про то говорю, что нынче на уроках задают больше или что приходится в лагерь в Красное Село ездить. Мне очень нравится в лагере, жить в палатке, в пять или даже в четыре утра вставать, марши многоверстовые делать. Мне нравится, что даже минутки не найти письмо маме написать, потому что то маневры, то учения. Нравится, что ночью сыро и холодно, а днем жарко, я там сплю очень хорошо, днем целый день на ногах. Мне такая взрослая жизнь нравится! А целыми днями вести себя как надо, говорить что надо и когда надо, на балы таскаться, на приемы... манеры соблюдать... Фу!

Саша произнес слово «манеры» с таким отвращением, что Никса расхохотался:

– Да ты что, хочешь быть как неотесанный чурбан? Без манер, – он попытался передразнить брата, но не смог вложить в это слово той глубины отвращения, какая звучала в голосе Саши, – над тобой смеяться станут. Ты же понимаешь, это себе Митрофанушка у Фонвизина мог позволить, а мы – никак. Мы на виду. На нас смотрят. И не только с любовью. Если мы не замечаем ехидных усмешек, это не значит, что их нет.

Саша изумленно уставился на брата:

– Ты это тоже понимаешь? Что нам часто врут? Нас не любят искренне, от нас только милостей ждут? Потому что мы – не просто мы, Никса или Сашка, а сыновья императора. Все эти... кто толпится на приемах, кто кланяется, норовит ручку облобызать... они не нас любят, а только титул!

– Да ведь нас с тобой пока любить еще не за что, – произнес Никса со странной усталостью в голосе. – Мы ведь ничего еще в жизни не сделали, только готовимся. Вообще-то ты прав, наверное, мне тоже подобные мысли иногда приходят в голову, но я стараюсь ни о чем таком не думать. Ты ведь тоже не всех подряд любишь – кого-то больше, кого-то меньше. А ни у кого ничего не просишь, потому что у тебя и у меня и так все есть, постоянно подарки дарят. Вот скажи тебе сейчас – попросить о чем-то, что самое заветное и что обязательно исполнится, – ну чего б ты пожелал? Я... Я даже не знаю, чего!

Он лукавил, зная, чего хочет больше всего на свете, но не собирался говорить брату правду.

И не только брату. Никому нельзя об этом сказать!

– Я... – растерялся Саша. – Я тоже не знаю, чего попросил бы!

Он тоже лукавил и вообще предпочел бы смолчать, но побоялся, что Никса станет спрашивать, а он проговорится. Врать Саша не умел, а потому предпочитал отмалчиваться, а не нагромождать несуществующие подробности, в которых легко запутаться. И он ляпнул первое, что в голову пришло:

– Я бы хотел, чтобы гурьевскую кашу почаще подавали! Это моя любимая еда!

Его даже дрожь пробрала, поскольку гурьевская каша была некоторым образом связана с тем, о чем он хотел бы промолчать. Никса, к счастью, ни о чем не догадался, лишь усмехнулся:

– Вот и видно сейчас, что ты еще не взрослый! Поэтому тебе все так тяжело кажется. Ты не научился понимать, что «надо» – это взрослее, сложнее, труднее, чем «хочу».

– Да я понимаю, – отмахнулся Саша, досадуя, что отговорку выдумал глупую: по-детски, по-мальчишески получилось. А он не мальчишка! Ему семнадцать, и он уже... И чтобы отогнать воспоминания, от которых вдруг страшно взволновался, сказал то, о чем думал постоянно:

– И потому я страшно рад, что государем никогда не буду!

Никса посмотрел на него со странной улыбкой, и Саша вдруг понял, что совершенно точно знает, о чем они оба подумали: как однажды Никса, еще маленький, сказал мамá по какому-то поводу:

– Когда царем будет Володя...

– Что за глупости! – воскликнула та. – Почему Володя должен стать царем?

– Потому что он – владеющий миром, – серьезно пояснил Никса.

– Но наследник престола – ты, – возразила мамá.

– А вдруг я умру? – вздохнул Никса.

– В любом случае тебе наследует Саша. Он и станет государем, если, спаси Христос, с тобой что-нибудь случится.

Никса обернулся к брату и со своей чудесной, лучистой улыбкой, в которой сквозила невыразимая любовь, проговорил:

– Да ведь Саша не хочет быть царем. Он счастлив не будет на троне.

Саша забыл, чем закончился разговор, но до сих пор удивлялся, что Никса так хорошо его понимает. Может, сказать ему? Вдруг он и это поймет?

Нет. Стыдно, только Хренов знает, а может, и он не знает... И чтобы удержаться от искушения поведать брату свою самую сокровенную тайну, Саша произнес:

– Ты правильно сказал, что нас любить пока не за что. Папá и мамá любят за то, что мы их дети; братья и Утка – за то, что мы родные. А вот остальные люди? Не мы титулу нашему блеск придаем, а он – нам.

Никса с изумлением смотрел на младшего брата. Почему, ну почему принято считать Сашу тугодумом и простаком? Даже папá и мамá в этом уверены. Пусть он медленно думает, зато мысли его основательны, пусть он застенчив и молчалив, но какое это золотое сердце, какой живой ум!

– Я что хочу сказать? – торопился Саша. – Здесь, на приемах, все ловят взгляды государя, наши взгляды, потому что милостей ищут. Когда я путешествовал по России, я видел людей... так много разных людей! Их никто не звал меня встречать и приветствовать, они сами, добровольно, за много верст пешком шли, чтобы царского сына увидеть. Не меня, Сашку, а царского сына. У них глаза светились от восторга! А как они выкрикивали: «Царевич, царевич, батюшка!» Я видел: скажи я одно слово – и они за меня на смерть пойдут. Один старик меня за руку схватил, поцеловал и воскликнул: «Теперь и помереть не страшно, сподобился царевича увидеть!» А сам – слепой... Ты понимаешь, что я хочу сказать? В глазах этого старика я, Сашка, имею гораздо большее значение, чем на самом деле значу. И поэтому я счастлив, что не стану государем. А вдруг не дотяну до такой вершины, на которой надо стоять? Вдруг пошатнусь? Нет, не хочу!

Никса кивнул. Он тоже часто думал о том, что может пошатнуться. Но его – цесаревича по праву первородства – никто не спрашивал о страхах и сомнениях. Считалось, что их у него нет и быть не может, а вздумай он кому-то об этом поведать, его никто не понял бы. Папá, мамá, Сашка – никто не понял бы! Он не имел права на сомнения, как на страдание от боли! Он не имел права ни на что!

Только украдкой... только тайно...

Воспоминание об одной такой тайне словно пронзило его сердце, он вздрогнул, резко встал – и в ту же минуту побледнел, тихо застонал, схватился за край стола...

– Что, Никса? – Саша вскочил. – Что?

Тот молчал – дыхание перехватило от боли.

Это началось несколько лет назад, Никса был еще совсем мальчишкой. Все знали, что цесаревич умен, добр, но не слишком крепок телесно. Ему назначили уроки танцев, гимнастику и верховую езду. И он, и Саша очень любили скачки и часто устраивали их между собой на Царскосельском ипподроме.

И вот привезли нового чистокровного английского жеребца. Вид у него был свирепый, и граф Строганов сразу воспротивился:

– Ваше императорское высочество, вы не должны садиться на этого зверя! Прошу вас, государь, поддержите меня!

Но императора, который был великолепным наездником и знал, что отлично смотрится верхом, раздражало любое проявление слабости. Он сердито взглянул на Строганова и лишь плечами пожал:

– Il est trop efféminé!⁷

И, как всегда, поехал вслед за сыном – чтобы находиться поблизости, если что-нибудь случится. По-хорошему, Никса должен был ощущать себя увереннее, когда отец наблюдал за ним, но именно в эти минуты у него тряслись руки, и он страшно нервничал – так сильно боялся сплеховать.

Конь мигом почувствовал его неуверенность, заиграл под седлом, взмыл на дыбы. У Никсы от неожиданности закружилась голова, и он упал с седла навзничь. Ударился так сильно, что готов был кричать, но сознания не потерял и крик сдержал, потому что видел над собой испуганные, встревоженные лица, а среди них было лицо мамá. Никса даже встал сам и с наигранной улыбкой успокоил всех. Но вечером почувствовал себя плохо и вынужден был лечь в постель. Когда его учитель русской словесности, знаменитый этнограф Федор Иванович Буслаев, через несколько дней пришел к своему воспитаннику, то поразился переменой, которая произошла в цесаревиче. Всегда бодрый, ясный и веселый, он будто отуманился, утомился от какой-то непосильной работы, словно не мог прийти в себя после тяжелой болезни. Так грустно и жаль было его! Но лекция Буслаева развлекла Никсу, и состояние его вскоре улучшилось. Вскоре падение было почти всеми забыто, кроме него самого, поскольку он порой чувствовал боль, которую уже приучился скрывать от окружающих.

Чтобы не волновать мамá. И чтобы не слышать от папá: «Il est trop efféminé!»

Спустя два или три года Никса в шутку боролся со своим добрым приятелем, кузеном и тезкой, принцем Лейхтенбергским, сыном тетушки Марии Николаевны, и сильно ударился спиной об угол мраморного стола. Он даже дыхания лишился от боли и, если бы его не поддерживали, упал бы. Александр Владимирович Паткуль, генерал-адъютант, генерал от инфантерии и ближайший друг императора, посоветовал графу Строганову немедленно послать за доктором. Второй ушиб позвоночника – это серьезно! Однако граф, который помнил раздражение императора при малейших жалобах сына, не посчитал ушиб серьезным, наоборот, пристыдил Никсу, назвав его неженкой, которому при пустом ушибе делается дурно до слез.

⁷ Он слишком изнежен! (фр.)

Паткуль очень огорчился и вечером сказал жене:

– Вот как берегут наследника русского престола!

Но императору не доложил, потому что знал: тот поддержит Строганова. На всех, в том числе Никсу, словно затмение какое-то нашло. Он героически сдерживал боль, а иногда не чувствовал ее вовсе. Поездка по стране пошла ему на пользу. Отправляясь туда, он ходил, как старик, а вернулся легкий, расправивший плечи, словно выпил целебного снадобья. Но неужели его действие закончилось? И ему до слез захотелось вернуться в тот волшебный день, вернуться хотя бы мысленно к случившемуся тогда счастьем...

– Ничего, – сказал Никса, слабо улыбаясь брату, – это ничего. Повернулся неловко. О чем мы говорили, Саша? О каком-то старике, который на тебя сильное впечатление произвел? Я тоже, знаешь, видел одного старика, когда путешествовал по России... – Он с усилием перевел дух. – Когда мы были в Петрозаводске, на пароходе я познакомился со сказителем русских былин Кузьмой Ивановичем Романовым. Был он слеп, одет в сермягу, лапти и дырявую шляпенку, но речь его лилась, как песня. Заговорили мы о былинах, потом о богатырях, и я спросил: отчего перевелись богатыри на святой Руси? Кузьма Иванович ответил, что они не перевелись, но просто не показываются, потому что потрава огненная пошла, оттого им и быть нельзя. А ведь и в самом деле, это объяснение, правда, Саша?

Брат смотрел не него обеспокоенно. Никса был бледен и говорил так, будто заговаривал боль. Так ее старухи-знахарки заговаривают!

– А потом я спросил его про русалок, – продолжил Никса, и его голос дрогнул. – Спросил, показываются ли они людям или это морок. А он ответил, что ему жаль того человека, который русалку увидел или слюбился с ней. Она ему дорогу перейдет, судьбу его повернет, и счастья он не увидит. Утащит его русалка в свои дебри лесные! Хоть из-под венца да утащит!

Саша смотрел на брата с удивлением. О чем он? Какие богатыри? Какие русалки? С чего вдруг пошла речь об этом? Но видно, как спокойнее становится лицо, более ясным – взгляд, розовеют побледневшие губы... Чувствовалось, боль отпускала Никсу.

– Что ты на меня так вытаращился, Сашка? Все хорошо!

За дверью раздались шаги, дверь приотворилась:

– Вот они, господа хорошие! – Это был Тимофей Хренов. – Что ж, ваши высокоблагородия Николай Александрович да Александр Александрович, вы тут отсиживаетесь? Маменька к чаю ждут, забыли?

На правах старого, заслуженного дядьки Тимофей особо не церемонился с воспитанниками, высочествами называл только по особым случаям, наедине запросто звал благородиями. А окликанье не по именам, а по отчествам означало, что он сердит.

– Идем, идем, Тимофей Иваныч, ну что ты пыхтишь, как самовар! – весело воскликнул Никса и недоумевающе посмотрел на брата, который вдруг стал красен, словно рак вареный, и, не глядя на Хренова, бочком выскользнул из классной.

Никса обернулся к Хренову. Но усагая физиономия дядьки не выражала ничего, кроме озабоченности, как бы царевичи не опоздали чаевничать к матушке-императрице.

Разумеется, Хренов прекрасно знал, чем смущен и озабочен Александр Александрович, но лучше бы откусил себе язык, чем проговорился об этом.

Уильяму не пришлось искать долго – после нескольких минут скачки по тропе, спускающейся к пруду, он увидел серую лошадку, стоявшую под деревом. Уильяма в жар бросило – неужели Минни упала? Он даже привстал в стременах и огляделся, пытаясь заметить неподвижно лежащую фигурку, но тотчас одумался. Не может быть, чтобы она свалилась с лошади: она ездит не хуже братьев и лучше всех сестер, и даже, если на то пошло, лучше его самого, хотя в этом стыдно признаться. Ее называют подлинной амазонкой!

Нет, принцесса не упала. Поводья накинута на куст и завязаны, чтобы лошадь не могла уйти. Значит, Минни сама спешила. Но где она?

С того места, где стоял Уильям, видна была серебристо-серая гладь пруда, в котором зыбилось что-то белое. Он знал, что это отражение белого мраморного павильона. Низко нависшие ветви старого дуба загораживали его, и можно было подумать, что на дне пруда лежит что-то белое, видимое сквозь чистую, прозрачную воду. Но Уильям знал про этот павильон, знал, что Минни любит сидеть там, когда ей грустно. А ей грустно? О чем ей грустить? О том, что уезжает сестра? Или...

Уильям осторожно слез с коня, привязал его рядом с лошадкой Минни и начал спускаться к пруду, исподтишка проверяя, все ли в порядке с одеждой. По счастью, обошлось, ничего нигде не порвалось. От сердца немного отлегло.

На повороте тропинки Уильям оглянулся на лошадей. Серая кобылка Дробр, что означает Капля, принадлежащая Минни, была очень ласковой. Она всегда норовила положить голову на холку любого коня, который оказывался рядом с ней, но сейчас отошла в сторону, сколько позволяли поводья, и нервно ляглась, когда конь Уильяма пытался к ней приблизиться.

– Минни! – крикнул Уильям, однако спохватился и позвал тише и спокойнее: – Ваше высочество, где вы?

Она не отзывалась. Оскользываясь на круто спускающейся тропе и браня себя за то, что не дошел до пологой лестницы, он добрался до берега озера и заспешил по песку вдоль воды к павильону. Но Минни он увидел значительно раньше – она стояла на мостке, который одним краем цеплялся за берег, а другим нависал над водой. Здесь была крошечная площадочка, на ней мог уместиться только один человек. Вообще, это было прелестное, но довольно шаткое сооружение – шаткое в буквальном смысле, потому что мостик начинал раскачиваться от малейшего ветерка, а уж если по нему кто-нибудь шел, можно было подумать, будто двигаешься по палубе корабля, попавшего в шторм.

– Минни! – крикнул Уильям, останавливаясь на берегу. – Что с вами? Почему вы здесь? Аликс беспокоится о вас.

– А вы? – ответила она, не оборачиваясь.

Уильям отметил, что по тихой глади пруда ее голос разносится довольно далеко. И если кто-то, например, сейчас находится вон там, за рощицей на другом берегу, то может точно так же слышать их с принцессой разговор, как если бы стоял в двух шагах от них. А вдруг там и правда кто-нибудь стоит? Надо быть осторожнее в словах.

– Конечно, я тоже беспокоился, – ответил он тоном верноподданного, озабоченного судьбой своей госпожи. – Вы могли упасть...

– Вы меня обижаете, Уильям! – усмехнулась она. – Я никогда не падала с лошади и не упаду. Даже если мои глаза ничего не видят от слез, я все равно не упаду! – И она громко всхлипнула.

«Ну, все пропало, – обреченно подумал Уильям. – Сейчас прибегут люди... Решат, будто я довел принцессу до слез».

Но песок не хрустел под чужими шагами, да и возмущенных голосов не было слышно. Он открыл глаза. Никого. Странно! А может, никто не подслушивает? Стало немного легче.

– Минни, – сказал он голосом доброго брата. – Я все понимаю. Вам будет скучно без Аликс, но вы должны понять, что государственные интересы превыше...

– Какие глупости вы говорите! – раздраженно воскликнула Минни и вскочила так резко, что мостик заходил ходуном.

Уильям с ужасом смотрел, как Минни пытается удержать равновесие, легко взмахивая руками.

– Ради бога, держитесь за перила! – закричал он.

Она сейчас сорвется в воду! Конечно, утонуть здесь невозможно, пруд очень мелок, а плавать Минни отлично, но все равно... он же не сможет стоять на берегу и смотреть, как она выбирается из пруда, с трудом волоча за собой отяжелевшую от воды юбку. Он должен будет кинуться на помощь. И вот они вернутся – оба насквозь мокрые, в нелепом виде, Минни всхлипывает, Уильям не знает, куда деваться от стыда... Что подумают люди? Что подумает Фредерик, а главное, король Кристиан?

У него потемнело в глазах, и он даже не видел, что Минни пробежала по мостику – легко, словно несомое ветром перышко, – и остановилась рядом с ним. Близко-близко!

– Что с вами, Уильям? – услышал он бесконечно нежный голос и осторожно открыл глаза.

– Ох, Минни... – выдохнул с невероятным облегчением. – Как же вы меня сегодня напугали! И не один раз!

Ее глаза – темные, блестящие, в окружении длинных загнутых ресниц, оказались совсем близко. И розовые, как лепестки шиповника, губы – тоже. У Минни были ровные, низкие брови, которые сейчас вдруг изломились трогательными домиками. И слезы не просохли на щеках. Как близко ее губы! Уильям вздрогнул и снова закрыл глаза. И в ту же минуту ощутил легкое поцарапывание по своему рукаву. Чудилось, она просит, умоляет его о чем-то... О чем?!

– Минни, – прошептал он. – Умоляю вас...

Он хотел сказать: «Вы не должны забывать о своем положении, Минни. Вы принцесса, а я всего лишь сын посла. Вам, вероятно, предназначено стать женой герцога или принца. Вы должны помнить о своем долге перед страной, перед родиной, перед их величествами, вашими отцом и матерью. Вы не имеете права обращать свой взор в сторону человека, который вам, возможно, по сердцу, но стоит гораздо ниже вас на ступеньках общественной лестницы. Я восхищаюсь вами, Минни. Я, может, даже влюблен в вас, ибо вас нельзя не любить. Но я никогда не допущу, чтобы желания моего сердца возобладали над чувством долга! Поэтому вы не должны, Минни... то есть нет, вы должны выбросить меня из своего сердца! И больше никогда не смотрите на меня так, как смотрели раньше, вселяя в мое сердце несбыточные и невозможные мечты!»

Да, он должен был это сказать и сказал бы, но... не успел. Минни заговорила первой:

– Я все понимаю, Уильям. Нет-нет, не открывайте глаза. Я давно хотела вам сказать, что мне очень страшно и тяжело. Моя сестра выходит замуж за английского кронпринца, это блестящая партия для дочери властелина такой маленькой страны, как наша, и она горда и счастлива. Но любит ли она его? Вы скажете, что принцессы не имеют права на любовь по выбору сердца. Их сердце должно принадлежать избранному супругу. И это правда. Аликс – чистое золото! Даже если бы она была до смерти влюблена в другого человека, то отдала бы всю себя, всю свою любовь его высочеству Альберту-Эдуарду. Она необыкновенно честна, а потому была всегда скромна и сдержанна с мужчинами, чтобы никто не мог даже подумать, будто принцесса к нему неравнодушна. А я... я легкомысленна и глупа. Уильям, я знаю, что вы... вы ко мне... вы меня... но этого не может быть и не должно быть! Мне очень страшно... Вы, наверное, еще не знаете, что мы с Тирой приглашены на день рождения его величества баденского герцога. Отец хочет, чтобы я познакомилась с племянником герцога, Адольфом-Людвигом, вероятным наследником герцога. Если мы с ним приглянемся друг другу, наверное, его отец станет просить моей руки. Я никогда не видела принца Адольфа-Людвига, но готова полюбить его, если это будет нужно для блага моего государства. И я, конечно, не должна поселять несбыточные надежды в вашем благородном сердце. Забудьте меня, Уильям, забудьте как можно скорее! Думаю, вам не стоит бывать у нас... во всяком случае, до моего отъезда. А сейчас уходите. Уходите не простившись, не оглянувшись, не смотрите больше на меня так, как вы смотрели раньше.

Ошарашенный Уильям почувствовал, как ее маленькие руки с силой развернули его. Он открыл глаза и обнаружил, что стоит спиной к Минни, лицом к тропе. Все плыло перед глазами, и стыдно было до изнеможения. Таким дураком он никогда в жизни себя не чувствовал.

Там, на обрыве, его конь все еще тянулся к Драб, а та отворачивалась и даже лягалась, что означало: «Уходи! Не приставай!» Наконец он смирился, опустил голову и начал лениво пощипывать траву.

Что оставалось делать Уильяму, как не последовать его примеру? Пощипывать траву он, естественно, не стал, но тоже смирился, опустил голову и... ушел.

В тот день с самого утра Хренов был молчалив и задумчив. А когда настало время ехать на прогулку – размяться на новых, недавно прибывших в конюшню лошадях, – он и вовсе притих.

– Ты нездоров, Тимофей? – спросил Саша. – Хочешь, останься, я поеду с Савелием.

– Вот еще, – буркнул Хренов. – Савелий – он при Николае Александровиче обычно ездит. Все знают, что ты новиков при мне проезжаешь. Что подумают, если Савелий поедет? Что ты Тимофея Хренова понизил или отставку дал. Знаешь, как наши пристально следят друг за другом? Куда вашим флигель-адъютантам!

Саша посмотрел на него с любопытством. Он даже не догадывался о том, что среди прислуги существует негласная табель о рангах и за каждым взлетом и падением ревниво наблюдают чужие глаза.

– Ты в уме, Тимофей? – засмеялся Саша. – Кому подобная чепуха в голову взбредет? Тебе никто никогда отставку не даст, сам знаешь. Вот помяни мое слово, ты еще у моих детей дядькой будешь.

Вид у Тимофея сделался чрезвычайно довольный, и он явно повеселел. Но все равно оставался озабоченным.

Может, он боится, что на новых лошадях опасно ездить? Но коняшки оказались на диво послушны. С тех пор как Никса упал с коня и у него начала болеть спина, жеребцов вроде Грома в императорские конюшни больше не брали, оставляли у заводчиков до тех пор, пока не выхолащивали. Теперь они все были просто кони – слова «мерин» император терпеть не мог, поэтому его не было в обиходном разговоре, однако суть не менялась. В кавалерийских войсках тоже стали отдавать предпочтение коням, а не жеребцам. Конь – не кот: это если кота выхолостить, он делается печным жителем и станет спать с утра до ночи, а у коня прыти да резвости не убавляется, он только послушнее да разумнее становится.

– Одна прелесть этот сивый! – крикнул Саша на скаку, наслаждаясь своим конем. Масть у него была непривычная: в императорской конюшне преобладали вороные, гнедые или чисто белые кони, а у этого серая шерсть отливала красивым сизым отблеском, да и узкая морда имела хищные, несколько шучьи очертания, что, как знал Саша, свидетельствовало о неистойвой резвости.

– Да, хорош! – рассеянно отозвался Хренов, озираясь по сторонам.

Они уже давно выехали из Царскосельского парка и теперь мчались по проселочной дороге, приближаясь к небольшому селу. Пролетели его на полном скаку и оказались в лесочке. Обычно его проезжали насквозь, но сейчас Тимофей вдруг закричал:

– Сворачивай налево, Александр Александрович! Дух переведем, молока попьем.

Саша знал, что неподалеку располагаются несколько немецких молочных ферм, он видел их не раз, хотя никогда на них не был, но о том, что ферма стоит и здесь, не слышал.

Вскоре среди деревьев показались очертания дома, и Саша удивленно вскинул брови. Дом не походил на унылую в своей педантичной аккуратности немецкую ферму. Это была рубленая избушка, совершенно пряничная, как в сказках. Нарядная, затейливо выстроенная, новехонькая, она радовала взгляд блеском чисто ошкуренных бревен и свежей, низко скошен-

ной муравой лужайки вокруг высокого, с балясинами, крыльца. Позади виднелся огородик, рядом – коровник, амбар... но все было настолько новеньким, аккуратным и чистым, что казалось ненастоящим.

Чуткие Сашины ноздри уловили запах свежего дерева – значит, этот почти игрушечный домик выстроен недавно. Чей он?

– Кто здесь живет? – спросил он.

– Сестреница моя, Матрена Филипповна, – объяснил Хренов. – Матреша.

– Я не знал, что у тебя есть сестра.

– Сестреница – не родная сестра, а двоюродная. Она молочница в Царском, а теперь вот, – он замялся, – тут маленькую ферму построили, ну и Матреше велели за ней присматривать.

– А зачем тут ферма? В лесу-то?

– Ну мало ли. Заблудится кто. Или захочет молочка парного попить с устатку. Ты хочешь?

– Парное молоко я раз пробовал, мне не понравилось, – сморщил нос Саша. – И я не устал. Поехали дальше? Вон облака наносит, как бы погода не испортилась, потом скажешь возвращаться скорее.

– Александр Александрович, дозвожь мне с Матрешей повидаться? – попросил Хренов. – И чайку попить. А еще, – он заговорщически понизил голос, – гурьевскую кашу никто так не варит, как она.

Саша невольно облизнулся. Вообще-то он был непритворен в еде, больше всего любил простое, но сытное: щи, уху, жареную рыбу, котлеты, кашу, соленые огурцы, моченые яблоки, простоквашу. Но гурьевская каша (манная, запеченная в духовке с яйцами, фруктами и орехами и подаваемая со сладким сиропом или сметаной) была его любимым блюдом.

– Но кашу долго варить, – заметил он. – Ждать неохота.

– А почему ты знаешь, может, у нее каша в духовке преет? – лукаво улыбнулся Хренов. – Может, она ее загодя наварила.

Гурьевская каша была очень сильным соблазном!

– Ладно, – кивнул Саша, – заглянем. Но если каши нет, сразу двинемся дальше.

– Само собой! – обрадовался Хренов, торопливо спешиваясь, и подскочил поддержать стремя царевичу, хотя тот вполне мог сойти с коня и без посторонней помощи. Но это входило в обязанности стременного, отказ огорчил бы Хренова, и Саша не перечил.

– Только вот что, – с заговорщической улыбкой проговорил Тимофей, – давай Матреше не скажем, кто ты есть. А то перепугается, еще плакать примется. Бабы – они, знаешь, слабые на слезы.

– Надо же, – удивился Саша, – а я думал, только моя сестра да кузины вечно ноют, слезы льют. А оказывается... – Он хотел сказать: «И простолюдины», но побоялся обидеть Хренова и закончил фразу иначе: – И другие тоже.

В эту минуту дверь отворилась, и на крыльцо выскочила молодая баба в простой сорочке и высоко подоткнутой юбке, открывающей белые ноги. На ногах у нее были расшитые чувяки, на груди лежало (так высока была эта грудь) ожерелье из желудей, нанизанных на яркую красную нитку.

– Как поживаешь, Матреша? – улыбнулся Хренов. – А мы вот с его благородием Александром Александровичем тебя проведать заехали.

«Вот дурак Хренов, – с неудовольствием подумал Саша. – То хотел мое имя в тайне сохранить, то прямо сразу меня называет».

– Тимофей Иваныч! – радостно воскликнула Матреша, одергивая юбку. – Вот радость вас снова повидать!

– А как же, – солидно отозвался Тимофей, про которого Саша впервые узнал, что он – Иванович. – Неужели я позабуду навестить мою любимую сестреницу, красавицу мою?

Матреша действительно была очень хороша: белая да румяная, полная, тугая, с блестящими темно-русыми волосами, заплетенными в косу и закрученными на затылке. Вокруг лба лежали легкие завитки, в ушах горели простенькие алые сережки, похожие на перезрелые калиновые ягоды.

– Спасибо, Тимофей Иванович, – улыбнулась Матреша, – добро пожаловать и вам, и молодому барину. – И тут же всплеснула руками: – Да как же я гостей встречаю, простоволосая?! Простите великодушно!

И она потянула из-за пояса белый платок, но Саша неожиданно для себя сказал:

– Не надо.

Солнце в это мгновение зажгло завитушки над лбом Матрешы золотистым светом, и Саша невольно улыбнулся от удовольствия. Зачем такую красоту прятать? Смотрел бы да не насмотрелся!

И правда – чем дольше Саша на эту молодку смотрел, тем больше она ему нравилась. Раньше он особенно не разглядывал простых женщин, а когда поехал по России, впервые заметил, что среди них есть очень хорошенькие. Одеты попроще, зато чистые, ненапудренные. Волосы заплетены в косы или кичками расписными покрыты, пахнут чисто, без всех этих ароматических вод и духов, от которых у Саши в горле першило. А сейчас он подумал, что Матреша, конечно, самая красивая из всех, кого он видел раньше. И ее красота именно в простоте. Надеть на нее платья с этими нелепыми обручами, как их... кринолинами, затянуть в корсет, как лошадь в сбрую, волосы завить, на щеку мушку наклеить, – и чистая, естественная, живая ее прелесть пропадет бесследно. Станет как все. Скучная.

И он улыбнулся своей искренней, щедрой, полудетской улыбкой, которая так нравилась Никсе и за которую родители с сожалением называли его «бедный Мака».

Самое удивительное, что Матреша достала из печи горшочек с гурьевской кашей, уже упревшей и приобретшей совершенно невероятный вкус. Саша только диву давался, откуда взялись в уединенной лесной ферме грецкие орехи, изюм и цукаты. Но спрашивать было неловко. Он ел, ел... Ему было немного стыдно своего аппетита, как бывало стыдно в булочной Петерсена, где подавали горячую сдобу, и он мог съесть несколько булок зараз, да стеснялся отца, посмеивавшегося над его богатырским аппетитом.

Вообще он в очередной раз убедился, что во дворце не лучшая кухня. Может, всякие жульены да раковые супы повара готовили изрядно, но простые и столь любимые Сашей блюда им не слишком-то удавались. Но говорить об этом было нельзя. Саша помнил, как однажды, после посещения Ново-Иерусалимского монастыря, монахи пригласили его и Перовского, бывшего при нем, в монастырскую гостиницу обедать. Подавали щи, кашу и жаркое. Щи со сметаной и кисловатым монастырским хлебом были необыкновенны!

– Отчего у нас никогда не подают таких вкусных щей? – спросил тогда Саша Перовского, уписывая за обе щеки.

Перовский ничего не ответил, но доложил обо всем императору, и тот потом долго внушал сыну, что надо думать, о чем говоришь. Подобные вольности недопустимы. А почему? Саша так и не понял.

Конечно, он усвоил урок и сейчас сдерживался, чтобы не заявить: никогда, мол, не едал во дворце такой вкусноты. Но когда его ложка заскребла по дну муравленной миски, едва заставил себя эту ложку отложить, а не облизать. Потом пили душистый чай, заваренный из листьев смородины, малины и мяты. Саша только отдувался и выпил три чашки. Чашки были простые, белые, но очень хорошего, тонкого фарфора. Края их были волнистыми, а по самому ободку змеилась золотая полосочка. И тонкие ручки золоченые. Вот так чашки! Они походили на предметы из сервиза, который специально изготовили для яхты, принадлежащей Никсе и названной его именем, но те были еще вызолочены изнутри.

Саша хотел спросить, почему у Матрешы простая муравленая посуда для еды, но такая дорогая и тонкая для чаю, но постеснялся. На самом деле это было очень хорошо, ведь он терпеть не мог пить чай из простых кружек с обтертыми, обшарпанными краями, какие подали, к примеру, в той монастырской гостинице. И все же странно, что у простой молочницы столь изысканные чашки. И ложки не деревянные, а оловянные... Может, ей кто-то все это подарил?

«Да, видимо, Хренов и подарил», – подумал Саша, но только озабочился мыслью, откуда Тимофей мог взять такую посуду, как Матреша всплеснула руками:

– Ох, гости дорогие, я ж совсем забыла, что корову не додоила! Уж простите. А мне в коровник надобно. Она там, бедная, изныла вся, наверное!

Матреша принялась повязывать голову своим беленьким платочком, а Саша произнес:

– Не надо.

Она поглядела исподлобья и улыбнулась. Саша почувствовал, что краснеет.

– Охохошеньки, – зевнул Тимофей, – прости великодушно, Александр Александрович, Христа ради, позволь хоть на минутку глаза смежить? Спать охота – никакой моченьки нет. А ты, ваше благородие, прогуляйся с Матрешей, посмотри, как она корову доит.

Тимофей побрел к лавке под печкой, а Саша остался за столом.

– Ну, барин? – улыбнулась Матреша. – Хотите поглядеть, как я стану корову за сосцы тягать?

Он промолчал. Слово «сосцы» словно ударило его по ушам своей неприличной, вызывающей простотой. Взгляд невольно метнулся к груди Матрешы. Ее рубаха, стянутая у ворота тесьмой, была чуточку приподнята двумя острыми выпуклостями.

«Там у нее сосцы, – испуганно подумал Саша. – Соски! Как у меня на груди. Только у меня они крошечные, а у нее большие. И грудь у нее... большая... и так вся перекачивается! Почему у других женщин не перекачивается? А, понимаю, потому что они в корсеты затянуты. Жаль, что они носят эти дурацкие корсеты. Нет, это хорошо! А то ведь невыносимо смотреть, как ее грудь волнуется и перекачивается!»

Матреша повернулась к нему спиной и пошла к двери. Опять настало испытание... Сборчатая юбка шевелилась при каждом шаге, и это шевеление делало с Сашей нечто странное. Он выбрался из-за стола и тоже направился к двери. Мельком оглянулся на Хренова, хотел сказать: «Я сейчас вернусь», но не смог вымолвить ни слова и вообще забыл обо всем на свете.

Саша тащился за Матрешей, как пришитый, сосредоточенно наблюдая движение ее бедер под юбкой, и даже не заметил, как они вышли из дому и оказались в коровнике. Пол был застелен свежей соломой, и пахло ею так чисто и приятно, что Саша с наслаждением втянул воздух.

– Как хорошо пахнет! – воскликнул он, оглядывая пустые стойла. – А где же коровы? Кого ты доить станешь, Матреша?

Она тихо хихикнула.

– Кто ж коров среди дня доит? Утром к ним встаю, перед тем как в стадо им идти, и вечером, когда воротятся. А днем они по полям, по лугам гуляют, траву жуют, молочко нагуливают.

– А... а зачем мы тогда сюда пришли? – растерянно спросил Саша.

– Ну так ведь Тимофею Иванычу соснуть захотелось, – пояснила она. – А мы б ему помешали. Давай тут посидим. – И она проворно плюхнулась на солому. – Садись рядышком, не бойся, тут чисто везде.

У Саши начала кружиться голова, и ноги подогнулись. «Лучше я тоже сяду», – подумал он и устроился около Матрешы. Она прилегла, опершись на локоть, молчала, улыбалась этой своей лукавой улыбкой, поглядывала на него снизу, поигрывала ожерельем... Желуди тихо перестукивались, и звук этот странно волновал. Сердце стало биться быстрее, быстрее... Надо было что-то сказать.

– Э-э... жаль, что коровы нету, – пробормотал Саша, удивляясь собственной дурости. – Я поглядеть хотел, как ты будешь ее...

– Что? За сосцы тянуть? – хихикнула Матреша. – Да я тебе покажу, смотри.

Легким движением она сняла свое желудевое ожерелье и бросила на солому, а потом развязала тесемку, которая стягивала рубашку у ворота. Пошевелила плечами...

– Вот так берут коровьи титьки, – произнесла она, – и тянут за сосцы. – Она осторожно, двумя пальчиками, потянула свои соски и отпустила.

Саша смотрел, как темно-розовые соски под ее пальцами набухают и словно бы расцветают, как бутоны.

– Хочешь попробовать? – спросила Матреша. – Подержи мои титьки. – И, подхватив себя под груди, придвинулась к Саше.

Он робко коснулся упругой плоти одним пальцем, потом другим, затем подставил под них ладони.

– Тяжелые какие, – прошептал Саша, не слыша собственного голоса сквозь биенье крови в ушах и чувствуя, что ему стало тесно в штанах.

Это начало с ним происходить недавно, случалось утром и вечером, а иногда делалось и днем от дурных мыслей, которые приходили внезапно и которые он стыдливо отгонял. Но как отогнать запах Матрешы и ощущение теплой и одновременно прохладной тяжести в своих руках? Он мучительно хотел поцеловать эту белую, молочно-белую кожу с легкими голубоватыми жилками, бегущими к соскам.

Далекий рев донесся откуда-то, Саша вздрогнул и испуганно сжал груди Матрешы. Она тихо застонала.

– Ой, – жалобно сказал он, попытавшись убрать руки, но Матреша не позволила, наоборот, прижала к ним свои ладони, заставляя стискивать груди сильнее и сильнее. – Что за рев?

– Да небось бык хочет телку драть, – пробормотала она задыхающимся голосом. – Видел, как они сношаются?

– Что? Что? – прерывисто воскликнул Саша, чувствуя, что больше не может сидеть вот так и держать ее груди. И отпустить их он тоже не мог!

– Сношаются, – повторила Матреша. – Бык к корове сзади подойдет, вскинется на нее да как засадит елдак промеж ног! Понимаешь?

Он покачал головой, ощущая, какой горячей она стала. Горячей и тяжелой. Мыслей в ней не было совсем, ее всю заполнило то, что неудержимо поднималось из глубины чресел. Легким движением Матреша высвободилась, и его ладоням мгновенно стало холодно. Саша потянулся к ней, но она проворно повернулась на четвереньки и закинула юбки себе на спину.

Саша ошалело смотрел на ее раздвинутые ноги, на тугие бело-розовые ягодицы, на неведомое углубление между ними.

– Что, не хочешь быть быком? – усмехнулась Матреша и перевернулась на колени, сбросила с плеч юбку. – Давай тогда по-людски.

Она потянулась к Сашиним штанам, нашла на боку застежку... Он сидел ни жив ни мертв, чувствуя, что штаны лопнут, если из них не высвободить то живое и жаркое, что неудержимо набухало. И вот наконец-то оно оказалось на свободе, нет, в Матрешины руки, которая держала это так же бережно, как Саша только что держал ее груди.

– Ох ты госссподи... – простонала она. – Да что же... да как же... Да скорее же!

И запрокинулась на спину, развела ноги, потянула Сашу на себя. Он мельком успел увидеть что-то темно-розовое, дико, странно пахнущее, между ее ногами, такое маленькое и круглое. А Матреша все тянула его за собой! Туда тянула!

– Я... у меня там все такое большое, – испуганно прошептал Саша. – Я, нет, я боюсь...

– Большой елдак – бабье счастье, – выдохнула Матреша, приводя его руками к себе и заводя в жаркую пещеру, чьи тесные, влажные стены вдруг словно ожили, и задышали, и обхватили его, всего в себя вобрали. Матреша чуть двинулась навстречу и назад, но расставание с ней показалось Саше невыносимым, и он пустился вскачь вместе с ней.

Тимофей уже не спал, когда Саша вернулся.

– А Матрешка где же? – спросил он, неприметно оглядывая солому, прилипшую к коленям царевича.

– Да она там, в коровнике занята, – хрипло выговорил Саша, вспоминая, как уходил от внезапно и сладко уснувшей Матрешы и все оглядывался на ее раскинутые ноги, задранный подол, на вспотевший живот, на сонно вздымающиеся груди, на которых алели влажные следы его губ и зубов.

Желудевое ожерелье валялось поодаль, наполовину засыпанное соломой. Саша взял его и положил меж сонных грудей с мягкими, тоже сонными, темно-розовыми сосками.

– Ну и ладно, тогда поедем? – предложил Тимофей, отводя взгляд и едва сдерживая смех – таким ошеломленно-счастливым было лицо его воспитанника.

– Ага, – пробормотал Саша и пошел к коню.

На сей раз он был только благодарен Хренову, который поддержал его стремя и даже подпихнул сзади, помогая сесть в седло. Несколько раз Саша едва не сваливался с коня и лишь около дворца сумел взять себя в руки и застегнуть воротничок. Но он еще долго не мог смотреть никому в лицо, а особенно Хренову.

Через несколько дней Китти сообщила императору, что инициация великого князя прошла с блеском, а вот наследник отказался от предложенного. Усмехнулся, поблагодарил женщину, но трогать не стал. И больше на уединенную ферму ездить не пожелал.

Александр Николаевич поднял брови. Никса всегда казался ему слабоватым, но чтоб в такой мере... Плохой признак! Лучше, если наследник будет бабником, чем импотентом или, того хуже, любителем мальчиков.

Нужно немедленно найти Никсе жену. Немедленно! Это нетрудно. Принцесс много, вскоре они с императрицей едут в Баден, к ее кузену, там на балу в честь дня рождения герцога соберутся многие именитые красавицы. И он выберет для старшего сына одну из них. И покачал головой, крайне недовольный тем, что сообщила Китти. Известию же, что Саша лихо с наукой управился, небрежно улыбнулся. В этом своем сыне он не сомневался. Однако Саша не наследник престола, а потому все, что касается его, не столь уж важно!

Карлсруэ всегда напоминал Александру Николаевичу большую дневную звезду. Тридцать две главные улицы города лучеобразно расходились в стороны от центрального дворца. Позднее они были соединены двумя кольцевыми дорогами, и с тех пор столицу Бадена стали называть городом-веером. Рассказывали, что основателю города Карлу III Вильгельму, который был весьма сведущ в астрономии, захотелось построить в своем герцогстве Баден город, напоминающий недавно открытое созвездие Секстанта.

Это был один из тех городов, которые возникли в пору строительного бума в Европе, когда роскошный дворец Людовика XIV в стиле барокко вызывал зависть у правителей и крупных государств, и небольших германских герцогств. Каждому захотелось иметь свой Версаль. Возник он и в Карлсруэ. Карл-Вильгельм любил науки и искусство, а потому музыканты, актеры, художники, архитекторы, поэты были удостоены особо теплого приема при дворе и скоро прославили и Карлсруэ, и герцогство Баден.

Александр Николаевич любил Баден. Он вообще любил Германию, поскольку отчасти это была его родная страна. Ведь в его крови было больше германской, чем русской, составля-

ющей. Он как-то шутки ради взялся высчитывать, насколько русские императоры нерусские, но сбился уже после Петра Федоровича, потому что оттуда пошла сплошная путаница. Если дедушка Павел Петрович его сын, то немецкой крови выходило больше. Если там примешалось что-то иное, благодаря прабабкиной лихости, значит, русской крови получалось чуть побольше. И все равно – германская преобладала. Нет, русская! Александр Николаевич не помнил, чтобы отец хоть раз в жизни сказал ему: «Мы немцы». Нет, они русские! Русские государи огромной России! Но Германию все же любили. Брали оттуда жен и мужей для себя и своих детей да и сами охотно наезжали в гости в это разбитое на мельенькие, аккуратненькие частички королевство, которое напоминало Александру Николаевичу корзинку с разноцветными пасхальными вареными раскрашенными яйцами – красивыми и бестолковыми игрушками. Правда, среди этих яиц лежало одно отнюдь не вареное и не бестолковое, из него, по мнению Александра Николаевича, рано или поздно должно было вылупиться опасное чудовище – василиск, которое, если верить сказкам, вылупляется из снесенного раз в семь лет петушиного яйца и уничтожает либо пожирает все вокруг. Вот так же пожрет вскоре эти кукольные королевства Пруссия – в этом Александр Николаевич был убежден, но противодействовать не мог, да и не хотел, понимая, что разрозненной Германии не выжить в окрепшей, развившейся, агрессивной и жадной до чужих земель Европе. Пока же он наслаждался поездками в мирную, спокойную, приветливую, бережливую страну, в Гессен-Дармштадт, Ольденбург, Вюртемберг, Мекленбург-Шверин, Саксен-Мейнинген и в прочие герцогства, но больше всего ему нравились Баден и Карлсруэ. Нравился ему и кузен Фридрих, баденский великий герцог. Он был внуком герцога Карла – родного брата императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, а значит, тетки Александра Николаевича, и кузеном жены Александра Николаевича, Марии. Император отлично помнил коронацию Фридриха, состоявшуюся несколько лет назад. Кажется, ничего не могло омрачить жизнь нового великого герцога, однако с недавних пор из Бадена поползли странные слухи.

Несколько лет Фридрих был регентом при своем болезненном старшем брате, Людвиге II, который умер неженатым и бездетным. У Фридриха родился сын, и его объявили наследником престола. И вот вдруг выяснилось, что Людвиг оказался тайно обвенчан с какой-то гессенской баронессой, прижил с ней сына, чье рождение было удостоверено соответствующими документами, однако сохранено в строжайшем секрете.

Почему?!

Злые языки немедленно начали шептать, что он боялся младшего брата, который мечтал о престоле для себя и своих потомков... Поползли слухи, будто Людвиг, при всей своей болезненности, еще пожил бы, если бы не отравил его Фридрих, столь охочий до власти, что лишился всякого терпения ждать естественной смерти болезненного брата. Конечно, это было полной чепухой: Фридрих в качестве регента имел полную власть в герцогстве, разве что титула великого герцога не носил, но неужели ради титула он продал бы душу дьяволу? В общем, в стране возникла некая партия, требовавшая восстановления на престоле законного наследника. Предводителем ее являлся брат морганатической супруги герцога Людвига, некий барон фон Флутч.

С точки зрения Александра Николаевича, этот так называемый законный наследник был совершенно липовой фигурой. Куда более липовой, чем русский царь Иоанн Антонович, закончивший свои дни в заточении. Княжна Тараканова, вообразившая себя соперницей Екатерины II и наследницей русского трона, тоже померла в крепости. Но это, слава богу, происходило в России, могучей и диковинной державе, которая многое себе позволить может. А в крохотном Бадене, где плюнуть некуда, чтобы не попасть в досужего английского или французского туриста, который непременно окажется шпионом или, того хуже, отвратительным писателем вроде какого-нибудь Герцена, у правителя меньше и прав, и, разумеется, возможностей, чем у русского государя. Александру Николаевичу было очень любопытно узнать, как выпу-

тается Фридрих из нелепейшей ситуации, вернее, как сумеет доказать, что документы этого, как его... Адольфа-Людвига, подделка, на них не стоит и внимание обращать. Сам-то он был в этом совершенно убежден, а потому во время визита намеревался оказывать кузену всемерную поддержку и выражать ему свое уважение как законному великому герцогу.

Принца Адольфа-Людвига император увидел вскоре после приезда, и юнец ему не понравился. Тощий, белесый, блеклый, словно выгоревший, изнеженный, высокомерный и дурно воспитанный. Изнеженности в мужчинах Александр Николаевич не терпел, оттого часто вызывал у него раздражение его собственный старший сын.

Адольфа-Людвига никто, понятное дело, гостям в качестве наследного принца не представлял – он держался в стороне, настороженный, будто волчонок. При нем постоянно маячили две дамы: одна постарше, другая совсем молоденькая, обе очень красивые, но тоже высокомерные и неприятные. Мария Александровна, которая была в курсе всех родственных отношений своего многочисленного семейства, сообщила Александру Николаевичу, что это баронесса фон Флутч, по мужу – тетка претендента, а по происхождению – русская и даже якобы родная сестра курского губернатора. Девушка же – ее дочь Анна-Луиза, кузина Адольфа-Людвига и наполовину русская.

«Вот те на! – изумился Александр Николаевич. – И в этом скандале Россия замешалась, да как причудливо! Ну нигде без нас не обойдется!»

Самого фон Флутча поблизости не было – ходили слухи, будто Фридриху настолько осточертели его интриги, что барону отказали от двора и отозвали его приглашение на бал цветов, который должен был стать гвоздем праздника. Впрочем, вряд ли мужчину это могло огорчить, вот если бы женщине отказали – это дело другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.